

УДК 903.2

Н. Роланд*Университет Виктория, Канада
Department of Anthropology, University of Victoria, Canada
E-mail: prehistory@shaw.ca***КОММЕНТАРИИ К СТАТЬЕ М. ОТТА, Я.К. КОЗЛОВСКОГО
“ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ
В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ”****Введение**

Статья о формировании верхнепалеолитической культуры в Северной Евразии, написанная двумя специалистами по археологии Европы и Азии [Отт, Козловский, 2001], предлагает вниманию читателей обзор материалов, относящихся к возникновению и развитию технологии и типологии верхнего палеолита и происхождению людей современного физического типа. Этот обзор сделан с более широкими территориальными позициями, чем обычные, достаточно односторонние обсуждения материалов из наиболее изученных регионов Западной Европы, Ближневосточного Леванта и Южной Африки. Такой односторонний подход не позволяет в полном объеме и обоснованно реконструировать процессы и причины трансформации доисторического инвентаря.

Мои комментарии относятся к следующим положениям: 1) статус ориньякского комплекса – формальные и пространственно-временные характеристики, места возникновения, соотношение между ориньяком как классификационной категорией и соответствующими палеосоциальными изменениями; 2) соображения о возникновении и моделях развития раннего верхнепалеолитического инвентаря в Западной Евразии; 3) применимость понятий этнологической теории для определения характеристик и процессов верхнего палеолита и для выяснения причин перехода от средне- к верхнепалеолитическим индустриям.

Ориньякский комплекс

Несмотря на неопределенность техно-типологических границ и политетическую (реконструируемую на основании нескольких признаков) варибельность ориньяка, включая такие понятия, как “пре-ориньяк” или “прото-ориньяк” [Kozlowski, 1979; Kozlowski, Otte, 2000; Zilhao, d’Errico, 1999], господствует точка зрения о внутренней однородности ориньяка. Здесь было бы полезно использовать многовариантные статистические методы, которые мы применяем при сравнении разных типов среднепалеолитических коллекций из Западной Европы [Moyer, Rolland, 1999]. В Европе классический ориньяк датируется не ранее 36,5 тыс. л.н. [Zilhao, D’Errico, 1999; Zilhao, Trinkaus, 2001], тогда как стратиграфические и хронологические данные из Анатолии, Леванта, Крыма, Закавказья и Алтая позволяют считать, что ориньякский комплекс привнесен на эти территории и приходит на смену различным переходным верхнепалеолитическим индустриям [Otte, Derevianko, 2001; Отт, Козловский, 2001]. Такое пространственно-временное распределение при абсолютном отсутствии предшествовавших индустрий из Африки оставляет открытым вопрос о месте возникновения ориньяка. М. Отт [Otte, 1994; Otte, Derevianko, 2001] выдвигает гипотезу о том, что весь характерный набор верхнего палеолита в целом и ориньяк в частности возникли внутри этого огромного географического региона, простирающегося от Загроса до Центральной Азии, хотя в обсуждаемой

статье содержатся указания на привнесение ориньякского комплекса в некоторые районы Центральной Азии.

Загрос может быть колыбелью ориньяка, но свидетельств из этого района достаточно неопределены, т.к. он слабо изучен.

Большая часть археологических и хронометрических данных из Загроса, где выделена барадостская культура (разновидность ориньяка), получена десятки лет назад. Стратифицированные коллекции из Варваси или Шанидара представляют мозаику типологических особенностей местных разновидностей мустье и ориньяка. В полевых работах не применялась современная методика микростратиграфических исследований для выявления и разграничения отдельных археологических слоев и культурных горизонтов. Следовательно, нельзя полностью доверять этой картине культурной мозаики и, основываясь на ней, делать выводы о том, что археологические материалы действительно демонстрируют непосредственный переход от мустье к ориньяку, поскольку не исключена возможность смешения различных невыявленных слоев и отдельных палеолитических горизонтов.

В районе долины Хоррамабад открыто несколько стоянок с мустьерскими и ориньякскими комплексами [Hole, Flannery, 1967], но эти материалы не согласуются с данными по Шанидару и Варваси. На Гар-Арженех биотурбации нарушили все слои, в которых могли содержаться свидетельства перехода от мустьерских индустрий к “барадостским” или замещения первых вторыми. Ф. Хоул и К. Фланнери особенно выделяли серию артефактов, демонстрирующую прерывание типологической последовательности между мустьерским и барадостским комплексами (например, коллекция Па-Сандар [Ibid, fig. 2]). Остается возможность того, что в долине Хоррамабад, которая расположена на границе Загроса, самая ранняя местная ориньякская индустрия тоже была привнесена и что данные для подтверждения гипотезы о постепенном переходе от мустье к ориньяку, а не замещении одного другим, следует искать в глубине материка. Несколько радиоуглеродных дат, относящих ориньяк ко времени 40 тыс. л.н., т.е. наиболее ранние среди всех известных в Западной Евразии, могут иметь отношение к гипотезе о его местном происхождении и, таким образом, дают дополнительный стимул к возобновлению исследований в Загросе, где коллекции были собраны десятки лет назад и требуют внимательного рассмотрения. Загрос не дает материалов, убедительно доказывающих местное происхождение ориньяка, но он остается приоритетным регионом, потому что другие, даже лучше изученные районы не могут предоставить свидетельств, опровергающих это.

Необходимо также учитывать следующие положения.

1. Если предполагается, что люди современного физического типа, или *Homo sapiens fossilis*, производили ориньякский инвентарь, стоит принять во внимание, что в отличие от Леванта, где в разное время присутствовали и неандертальцы, и архаичные современные люди, в Загросе единственный тип гоминидов, который можно ассоциировать с мустье, – это неандертальцы. Следует примириться с фактами: ориньякские находки в других районах ассоциируются с людьми современного физического типа, но в Загросе – только с неандертальцами. Кроме того, все ближневосточные неандертальцы имеют общие фенотипические черты, которые являются менее эндемичными, или “классическими”, чем в Западной Европе [Arensberd, Belfer-Cohen, 1998], что, возможно, означает гибридизацию.

2. В Загросе (в отличие от Европы, Анатолии, Леванта, Центральной Азии, Алтая) не было выделено никаких переходных верхнепалеолитических горизонтов [Smith, 1986, p. 25]. Это может служить дополнительным доказательством исключительно линейного перехода к ориньяку в Загросе, если только загросский ориньяк тоже не был привнесен. Соответствующие доказательства могут быть получены в большой пещере Гар-и-Кар (Иран) [Young, Smith, 1965], где раскопки проводились по современной методике микростратиграфических исследований. На стоянке выделены барадостские отложения толщиной 1 м, в которых, возможно, обнаружатся свидетельства такого непосредственного перехода. Все, что пока известно, получено из предварительных раскопок, без радиометрического анализа. Однако исследования палеолита в Иране дают обнадеживающие результаты: собраны новые мустьерские и ориньякские материалы [Roustaei et al., 2002], которые могут помочь в установлении причин появления ориньяка на территории Ирана.

Центральная Азия и Сибирь должны рассматриваться как важные регионы в изучении происхождения верхнепалеолитических индустрий Евразии. Согласно новым данным, полученным на стоянке Оби-Рахмат в Узбекистане, переход к верхнему палеолиту датируется примерно 47 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2001], а связь возникновения ориньяка в Средней Азии с людьми современного типа [Otte, 1994] может быть поддержана сценариями палеогенетического развития, которые указывают на Среднюю Азию как на место происхождения людей современного физического типа (ориньякцев), пришедших в Европу [Gibbons, 2000].

Ориньяк как археологическая культура и палеосоциальный изоморфизм

Ориньяк представляет собой достаточно однородное явление с точки зрения содержания (типология камен-

ных орудий, изделия из кости и рога, мелкие украшения, предметы искусства), непрерывного пространственного распространения по огромным территориям Евразии (от Иберии до Алтая) и хронологической протяженности (несколько тысячелетий), чтобы соответствовать понятию “археологическая культура” [Childe, 1956, p. 16, 18 – 19; Clarke, 1968, p. 231; Taylor, 1967, ch. 4]. Целостная ориньякская культура, видимо, связана с отдельными очагами нахождения останков людей современного типа (Кро-Маньон, Ле Руа, Штеттен I). Огромное географическое распространение и длительное существование ориньякских артефактов, очевидно, превосходят возможности одной популяции или этнической группы, объединенной вокруг определенного “ядра” [Yellen, Harpending, 1972, p. 247 – 248]. Поэтому ориньякскому комплексу подходит другое определение более высокого уровня в археологической классификации, а именно, “культурная группа” [Clarke, 1968, p. 287]. Эта категория подразумевает такой уровень социальной организации и брачных отношений [Wobst, 1976], который позволяет поддерживать обмен генами и культурную диффузию между рассеянными на большой территории сообществами. Если соотносить ориньяк с людьми современного типа, то можно говорить о существовании изоморфной общности в пределах социокультурной формации более широкого масштаба (см.: [Semenov, 1970, fig. 1]), которая, однако, достаточно консолидирована, чтобы сохранить единство и наследование культурных черт, характерных для ориньяка.

Возможные модели возникновения верхнепалеолитических культур в Западной Евразии

На основании обзора материалов по раннему верхнему палеолиту, предложенного М. Оттом и Я. Козловским, а также других работ по этой теме [Anikovich, 1992; Cohen, Stepanchuk, 1999; Guslitzer, Pavlov, 1993; Вишняцкий, 2000; Zilhao, 2001; Zilhao, d’Errico, 1999] можно выделить основные положения: 1) большинство ранневерхнепалеолитических материалов (в т.ч. горизонта, датируемого 43,1 тыс. л.н., который был недавно открыт на стоянке Мальта в Прибайкалье [Hedges et al., 1998]) свидетельствует о постепенном переходе, а не о замещении одних комплексов другими; 2) все эти материалы вписываются в модель полицентрического развития одного биологического вида, т.е. культурные комплексы располагаются в одной и той же стратиграфической последовательности по всей огромной территории (причем они не обязательно синхронны [Childe, 1944]), вместо того чтобы представлять единую, моноцентрическую суперрассеянную общность.

Доминирование повторяющихся линейных последовательностей развития от среднего к раннему верхнему палеолиту, предшествующих появлению ориньяка, которое значительно отстает в Иберии и Крыму, делает аргументы “статистической невероятности” и “культурной каталитической” роли ориньяка неубедительными для объяснения постепенного распространения этого явления как в Европе [Mellars, 1991], так и в других местах. В таком случае необходимо рассматривать предшествовавшие среднепалеолитические комплексы как культурно-историческую основу дальнейшего развития локальных переходных верхнепалеолитических индустрий* [Bosinski, 1982; Вишняцкий, 2000]. Вариабельность среднепалеолитических коллекций может быть обусловлена ситуационными, *региональными* факторами [Rolland, 2000]. Понятие *культурных групп* становится более важным при рассмотрении различий между географически удаленными объединениями, такими как “мустьерский комплекс” в Западной Европе, “Formen Gruppen” в Центральной Европе [Bosinski, 1982], среднепалеолитические комплексы в Средней Азии [Ranov, Davis, 1999] или на Алтае, где они содержат листовидные бифасы [Деревянко, Шульков, 2002], аналогичные и, возможно, исторически связанные с местонахождением Мунгар-Ыма в Якутии, расположенным далеко на северо-востоке [Федосеева, Мочанов, 2001], а не с материалами Средней Азии или Ближнего Востока. Однако бифасов не находят на Восточном Урале, например на Богдановке – среднепалеолитической стоянке открытого типа [Широков, 1992].

Причины возникновения верхнепалеолитических культур

Часто повторяемые объяснения по этому поводу постулируют перерыв в биокультурной эволюции гоминидов, обусловленный мутациями генотипа, которые и отмечают первоначальное появление людей современного физического типа в Африке на территориях, граничащих с пустыней Сахара. Данный вид распространился позднее из Африки и полностью заместил неандертальцев и поздних *Homo erectus*. Это произошло благодаря более совершенным поведенческим возможностям и селективным преимуществам людей современного типа, включая такие основные “движущие силы”, как нейролингвистические и познавательные способности [Mellars, 1991; Mithen, 1996]. М. Отт [Otte, 1994; Otte, Derevianko, 2001] предлагает совершенно другой сценарий, не связывая культурные раз-

* **Cinq-Mars J., Rolland N.** The Hominid Colonization of Northern Eurasia: Palaeolithic Milestones: Paper Read at the Northern Archaeological Congress, 2002 September 9 – 14. Khanty-Mansiisk, Russia.

личия с биологическим разнообразием ископаемых останков людей. По его мнению, значимыми факторами формирования верхнепалеолитических культур были биоклиматические характеристики степных районов в умеренно континентальной Европе и культурно-исторические процессы.

Верхнепалеолитический инвентарь, в частности ориньякский, отражает повышение уровня сложности в культурных проявлениях [Mellars, 1989]. “Культура”, в понимании автора указанной статьи, включает такие аспекты, как технико-экономический базис, социальная организация, эстетические, символические проявления и познавательные возможности. Термин “культурная интенсификация” (предложен в этнологии [Kroeber, 1963, p. 222 – 223]) описывает их как новые элементы, более специальные, многочисленные и сложно организованные либо имеющие более богатое содержание и систематизированные. Это может относиться к некоторым аспектам образа жизни в верхнем палеолите. Такие характеристики отмечают рубеж между этапами развития культуры, хотя отдельные культурные черты демонстрируют преемственность. Вместе с тем нельзя считать, что все основные наблюдаемые технологические изменения, как, например, использование в качестве поделочного материала кости и рога, обязательно отражают возросшую функциональную эффективность или прогрессивное развитие. Материалы исследованных в арктической зоне Канады голоценовых культур от дорсета до туле (носители последней – непосредственные предшественники современных инуитов) свидетельствуют о том, что аналогичные технологические изменения отражают в основном намерения отдельного исполнителя сделать орудие с большим мастерством, а не стремление повысить эффективность раскалывания [McGhee, 1980].

Многие считают, что причина исчезновения неандертальцев и появления кроманьонцев в период раннего верхнего палеолита в замене одного вида гоминидов другим, с более передовой моделью поведения. Два недавних исследования по предьстории охотников-собирателей в голоцене предлагают аналогии для понимания замещения неандертальцев кроманьонцами, но разные интерпретации авторов могут служить “предостережением”. Первое исследование посвящено культурной последовательности дорсет – туле [McGhee, 1982], второе – неолиту Прибайкалья [Weber, 1995]. В обоих случаях значительные изменения в составе инвентаря связаны со сменой населения, хотя никто всерьез не рассматривает возможную зависимость поведенческих изменений от генетических различий, поскольку все эти популяции относились к одному виду (*Homo sapiens*). В публикации, посвященной смене культур в арктической зоне Канады, приводятся взаимоисключающие объяснения

быстрого расселения популяции туле и делается заключение о том, что социокультурные структурные различия или межэтническое соперничество являются главными факторами, которые стоит учитывать [McGhee, 1982]. В Прибайкалье, согласно модели, предложенной исследователями, на смену раннему “неолитическому” китойскому населению пришло (возможно, какое-то время территория оставалась незаселенной) позднее “неолитическое” серовское, обладавшее другим фенотипом и происходившее из другого географического района. Авторы считают, что разные способы адаптации к условиям окружающей среды, количественно и качественно противоположная социальная динамика являются достаточными причинами для такого замещения [Weber et al., 2002, p. 282 – 285, table 10]. В обоих случаях модели, объясняющие изменения, включающие смену населения, подтверждаются подробными хронологическими определениями, а также более разнообразным и информативным археологическим инвентарем и серьезными теоретическими построениями. Авторы отмечают прерывность культурной традиции, не связанную с климатическими изменениями или поведенческими детерминантами, основанными на особенностях генотипа. Причины дискретности развития они видят в культурных факторах и адаптации. Предложенные в этих статьях гипотезы могут быть использованы для объяснения перехода от среднего к верхнему палеолиту в тех районах, где ориньякская “культурная группа” была доминирующей.

Материалы ранних верхнепалеолитических комплексов, широко распространенных практически по всей Евразии, свидетельствуют о разной степени культурной интенсификации. По этому признаку комплексы можно подразделить на две категории.

1. Изменения, нашедшие отражение во многих коллекциях из ранних или переходных верхнепалеолитических горизонтов, более или менее прогрессивные, коренятся в предшествующих местных среднепалеолитических индустриях. Эти возникающие верхнепалеолитические комплексы устойчиво доминируют в некоторых районах, например, стрелецкий – почти повсеместно в европейской части России, неориньякские индустрии – на большей части Сибири [The Palaeolithic..., 1998].

2. Ранний ориньяк в целом характеризуется наиболее быстрой культурной интенсификацией, например, в Европе.

В обоих случаях экология человека и социокультурные факторы составляют основу интерпретационных моделей. Они подразумеваются М. Оттом и Я. Козловским, а также другими авторами [Вишняцкий, 2000; Zilhao, 2001] без учета резких биологических мутаций человека и поведенческих возможностей как независимых переменных.

Список литературы

- Вишняцкий Л.** Верхнепалеолитическая революция: география, хронология, причины // *Stratum Plus*. – 2000. – N 1. – P. 245 – 271.
- Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейменов Р.Х.** Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2 – 14) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2001. – № 4(8). – С. 42 – 63.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2002. – № 1(9). – С. 16 – 42.
- Отт М., Козловский Я.К.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2001. – № 3(7). – С. 51 – 62.
- Федосеева С.А., Мочанов Ю.А.** Ноосфера и археология // *Наука и техника в Якутии*. – 2001. – № 1. – С. 28 – 32.
- Широков В.Н.** Палеолитическая стоянка Богдановка на реке Урал // *Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симпозиум*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – С. 74 – 79.
- Anikovich M.** Early Upper Paleolithic Industries of Eastern Europe // *Journal of World Prehistory*. – 1992. – Vol. 6. – P. 205 – 245.
- Arensburg B., Belfer-Cohen A.** Neandertals: Rethinking the Levantine Middle Palaeolithic Hominids // *Neandertals and Modern Humans in Western Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 311 – 322.
- Bosinski G.** The transition Lower/Middle Palaeolithic in Northwestern Germany // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man* / Ed by A. Ronen. – Oxford: British Archaeological Reports, 1982. – P. 165 – 175. – (BAR International Series; N 151).
- Childe V.G.** Archaeological ages as technological stages // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 1944. – Vol. 14. – P. 7 – 21.
- Childe V.G.** *Piecing Together the Past*. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1956. – 174 p.
- Clarke D. L.** *Analytical Archaeology*. – L.: Methuen, 1968. – 684 p.
- Cohen Y.V., Stepanchuk V.N.** Late Middle and Early Upper Paleolithic Evidence from the East European Plain and Caucasus: A New Look at Variability, Interactions, and Transitions // *Journal of World Prehistory*. – 1999. – Vol. 13. – P. 265 – 319.
- Gibbons A.** Europeans Trace Ancestry to Paleolithic People // *Science*. – 2000. – Vol. 290. – P. 1080 – 1081.
- Guslitzer B.I., Pavlov P.I.** Man and Nature in Northeastern Europe in the Middle and Late Pleistocene // *From Kostienis to Clovis* / Eds. O. Sofer, N. Praslov. – N.Y.: Plenum, 1993. – 334 p.
- Hedges R.E.M., Pettitt P.B., Bronk Ramsey C., van Klinken G.J.** Radiocarbon dates from Oxford AMS system: *Archaeometry datelist 25* // *Archaeometry*. – 1998. – Vol. 40. – P. 227 – 239.
- Hole F., Flannery K.V.** The Prehistory of Southwestern Iran: a Preliminary Report // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1967. – Vol. 33. – P. 147 – 206.
- Kozłowski J.K.** Le Bachokirien – la plus ancienne industrie du Paléolithique supérieur en Europe // *Prace Archeologiczne*. – 1979. – Vol. 28. – P. 77 – 99.
- Kozłowski J.K., Otte M.** La formation de l'Aurignacien en Europe // *L'Anthropologie*. – 2000. – Vol. 104. – P. 3 – 15.
- Kroeber A.L.** *Cultural and Natural Areas of Native North America*. – Berkeley: University of California Press, 1963. – 240 p.
- McGhee R.** Technological Change in the Prehistoric Eskimo Cultural Tradition // *Canadian Journal of Archaeology*. – 1980. – N 4. – P. 39 – 52.
- McGhee R.** The Past Ten Years in Canadian Arctic Prehistory // *Canadian Journal of Archaeology*. – 1982. – N 6. – P. 65 – 77.
- Mellars P.A.** Major Issues in the Emergence of Modern Humans // *Current Anthropology*. – 1989. – Vol. 30. – P. 349 – 385.
- Mellars P.A.** Cognitive changes and the emergence of modern humans in Europe // *Cambridge Archaeological Journal*. – 1991. – Vol. 1. – P. 63 – 76.
- Mithen S.** *The Prehistory of the Mind*. – L.: Methuen, 1996. – 288 p.
- Moyer C.C., Rolland N.** Understanding the Middle Palaeolithic assemblage typology // *Antiquity*. – 1999. – Vol. 75. – P. 39 – 43.
- Otte M.** Origine de l'homme moderne: approche comportementale // *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de Paris. Ser. II*. – 1994. – T. 328. – P. 267 – 273.
- Otte M., Derevianko A.P.** The Aurignacian in Altai // *Antiquity*. – 2001. – Vol. 75. – P. 44 – 48.
- Ranov V.A., Davis R.S.** Recent Work on the Palaeolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. – 1999. – Vol. 8. – P. 186 – 193.
- Rolland N.** Quina-type occurrences in Europe: single toolmaking tradition or converging patterns? // *Toward Modern Humans: The Yabrudian and Micoquian 400 – 50 k-years ago* / Eds. A. Ronen, M. Weinstein-Evron. – Oxford: British Archaeological Reports, 2000. – P. 209 – 221. – (BAR International Series; N 850).
- Roustaei K., Biglari F., Heydari S., Vahdatinasab H.** New research on the Palaeolithic of Lurestan, West Central Iran // *Antiquity*. – 2002. – Vol. 76. – P. 19 – 20.
- Semenov S.A.** The Forms and Functions of the Oldest Tools // *Quartear*. – 1970. – Vol. 21. – P. 1 – 20.
- Smith P.E.L.** *Palaeolithic Archaeology in Iran*. – Philadelphia: The University of Pennsylvania Museum, 1986.
- Taylor W.W.** *A Study of Archaeology*. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1967. – 261 p.
- The Palaeolithic of Siberia** / Ed by A.P. Derevianko. – Urbana: University of Illinois Press, 1998. – 406 p.
- Weber A.** The Neolithic and Early Bronze Age of the Lake Baikal Region: A Review of Recent Research // *Journal of World Prehistory*. – 1995. – Vol. 9. – P. 99 – 165.
- Weber A., Link D.W., Kaztenberg M.A.** Hunter-Gatherer Culture Change and Continuity in the Middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 2002. – Vol. 21. – P. 230 – 299.
- Wobst M.** Locational Relationships in Paleolithic Society // *Journal of Human Evolution*. – 1976. – Vol. 5. – P. 49 – 58.

Yellen J., Harpending H. Hunter-gatherer populations and archaeological inference // World Archaeology. – 1972. – Vol. 4. – P. 244 – 253.

Young T.C., Smith P.E.L. Research in the Prehistory of Central Western Iran // Science. – 1965. – Vol. 153. – P. 386 – 391.

Zilhao J. Anatomically Archaic, Behaviorally Modern: the Last Neanderthals and their Destiny. – Amsterdam: Driëntwintigste Kroon-Voordracht, 2001. – 99 p.

Zilhao J., d'Errico F. The Chronology and Taphonomy of the Earliest Aurignacian and its Implications for the Understanding of Neanderthal Extinction // Journal of World Prehistory. – 1999. – Vol. 13. – P. 1 – 68.

Zilhao J., Trinkaus E. Troubling the Neandertals: a reply to Langbroek's 'The trouble with Neandertals' // Archaeological Dialogues. – 2001. – Vol. 8. – P. 135 – 145.

Материал поступил в редколлегию 24.12.02 г.